

СПОР ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА С ЮРИДИЧЕСКИМ

Постановка вопроса вновь:
Находится ли человеческий род
в поступательном движении к
лучшему?

1

ЧТО ЗДЕСЬ НУЖНО ЗНАТЬ?

[Здесь] необходим фрагмент истории человечества и к тому же истории не прошлого, а будущего времени, следовательно, истории предсказывающей, которая, если даже она и не будет протекать по естественным законам (как солнечные или лунные затмения), именуется предугадывающей и тем не менее вполне естественной; а поскольку ее невозможно представить иначе как с помощью сверхъестественного откровения или проникновения мысленным взором в будущее, она именуется вещью или пророческой*.

Впрочем, если ставить вопрос о том, находится ли род человеческий в постоянном движении к лучшему, то дело здесь вовсе не в естественной истории человека (возникнут ли, например, в будущем новые человеческие расы), а в истории нравов и притом не с точки зрения видового понятия (*singulorum*), а с точки зрения всей совокупности людей (*universorum*), которые на земле объединены социально и разделены на нации.

2

КАКИМ ОБРАЗОМ ВОЗМОЖНО ДАННОЕ ЗНАНИЕ?

[Оно возможно] как предсказующее историческое повествование о том, что ожидается в будущем, следовательно, как возможное лишь а priori описание событий, которые должны при этом произойти. — Но каким образом возможна история а priori? — Ответ: если предсказатель сам творит и вызывает события, которые предрекает.

* О человеке, недобросовестном в предсказаниях (делающем их без должного разумения или честности), говорят: он вещает не как пифия, а как гадалка.

Иудейские пророки верно предсказали, что рано или поздно их государству предстоит не только упадок, но и полное исчезновение, поскольку они сами были виновниками такой своей участи. — Возглавляя народ, они настолько обременили законодательство церковными и вытекающими из них светскими повинностями, что их государство оказалось совершенно непригодным для самостоятельного существования и главное — для сосуществования с соседними народами. Поэтому совершенно естественно, что причитания его священнослужителей сотрясали воздух впустую, ибо последние преднамеренно и упорно цеплялись за принципы шаткого, ими самими созданного государственного устройства, будучи, таким образом, в состоянии предвидеть свой неминуемый конец.

Наши политики, насколько простирается их влияние, поступают точно так же и столь же преуспели в деле пророчества. «Нужно брать людей такими, — говорят они, — каковы они есть, а не такими, какими их воображают себе далекие от жизни педанты и благодушные мечтатели». Но это «каковы они есть» означает: таковы, какими сделали их мы сами, несправедливо притесняя их, устраивая предательские, играющие на руку правительству заговоры, — а именно, упрямыми и склонными к возмущению; как раз поэтому-то, когда власти немного отпускают бразды правления, происходят печальные события, подтверждающие пророчества тех самых горе-политиков.

Священнослужители также предсказывают порой совершенный упадок религии и близящийся приход антихриста, а тем временем делают как раз все необходимое для его прихода, как-то: они стремятся внушить своим прихожанам не основополагающие нравственные принципы, ведущие к добродетели, но вменяют им в обязанность историческую веру и строгое соблюдение правил, которые хотя и способствуют косвенным образом механическому единодушию, как при гражданском правлении, но не приводят к единству в моральном образе мыслей; а потом они жалуются на отсутствие религиозности, вызванное ими же самими, которое они и без особого пророческого дара могли предсказать заранее.

3

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ О ТОМ, ЧТО МОЖНО УТВЕРЖДАТЬ ЗАРАНЕЕ О БУДУЩЕМ

О предсказании будущего речь может идти в трех случаях. [Можно утверждать, что] род человеческий либо неуклонно движется назад ко злу, либо постоянно прогрессирует к лучшему в его моральном определении, либо пребывает в вечной неподвижности на данной ступени своего нрав-

ственного развития вместе с другими частями творения (что идентично вечному вращению вокруг одной и той же точки).

Первое утверждение можно назвать моральным терроризмом, второе — эвдемонизмом (последний с точки зрения прогресса в отдаленной перспективе можно назвать также хилиазмом), третье — абдеритизмом, ибо ввиду того, что моральный покой на самом деле невозможен, непрестанно сменяющиеся подъем и столь же частое и глубокое падение (подобно вечному колебанию) дают в итоге не более, чем если бы субъект пребывал в покое на одном и том же месте.

А) О террористическом способе представления истории человечества. Для рода человеческого падение во зло не может продолжаться вечно, так как при определенной степени последнего оно само исчерпало бы себя. Поэтому, имея в виду необозримые, высящиеся, словно горы, злодеяния и соответствующее им зло, говорят: более ужасного быть не может; судный день настал, и набожному фантазеру уже грезится новое рождение всех вещей и обновленный мир, идущий на смену сгоревшему в огне старому.

Б) Об эвдемонистическом способе представления человеческой истории. С тем, что количество свойственного нашей природе добра и зла в зачатке остается постоянным и не может в одном и том же индивидууме ни увеличиваться, ни уменьшаться — всегда можно согласиться. Но как может увеличиться изначальное количество добра, если это должно было бы происходить посредством свободы субъекта, для чего ему опять-таки потребовалось бы больше добра, чем у него есть? Следствия не могут превысить силу действующих причин. Таким образом, количество добра, смешанного в человеке со злом, не способно перешагнуть определенной меры последнего, за которую человек мог бы выйти и постоянно двигаться к еще лучшему. Эвдемонизм с его сангвиническими упованиями оказывается, следовательно, несостоятельным, а в деле исторического пророчества относительно непрерывного поступательного шествия по стезе добра — малообещающим.

В) О гипотезе абдеритизма рода человеческого в деле предопределения его истории. Это мнение имеет, пожалуй, большинство на своей стороне. Нашему роду присуща деятельная глупость: вступить поскорей на стезю добра, но не оставаться на ней, а обратить вспять пути прогресса, дабы не быть привязанными лишь к одной цели, хотя бы это делалось просто ради разнообразия; строить с тем, чтобы иметь возможность разрушать; и возлагать на себя безнадежное бремя вкатывать сизифов камень на гору, чтобы позволить ему скатиться вниз. — Здесь, таким образом, представляется, что принцип зла, заложенный в естественных задатках человеческого рода, не столько перемешан и сплавлен

воедино с принципом добра, сколько нейтрализует его; следствием этого оказывается бездеятельность (именуемая здесь покоем): ведь пустое занятие, шагая то вперед, то назад, позволять добру и злу так меняться местами, что вся игра нашего рода с самим собой в прогресс на земле должна была бы выглядеть со стороны простым фарсом, имеющим в глазах разума не большее значение, чем у других животных, совершающих то же самое с меньшими затратами и без применения рассудка.

4

НЕПОСРЕДСТВЕННО С ПОМОЩЬЮ ОПЫТА
РЕШИТЬ ЗАДАЧУ ПРОГРЕССА
НЕВОЗМОЖНО

Если бы нашли, что род человеческий, рассматриваемый в целом, как бы долго он ни двигался вперед, все время шел к прогрессу, все же никто не может поручиться, что именно теперь, в силу физических задатков нашего рода, он не вступил в эпоху своего регресса. И наоборот: если дело идет вспять, и падение во зло происходит со все возрастающей скоростью, то не следует оставлять надежду, что поворотный пункт (*ruptum flexus contrarii*) наступит именно в тот момент, когда в силу заложенного в человеческом роде морального начала поступь его вновь обратится к лучшему. Ибо мы имеем дело со свободно действующими существами, которым хотя и можно диктовать то, что они должны делать, но нельзя предсказать заранее, что они будут делать, и которые из сознания зла, причиненного ими сами себе, сумеют, если дело пойдет слишком далеко, извлечь более мощный стимул и добиться лучшего, чем до сих пор, положения. — И все же, как говорит аббат Койер (Coyer), — «бедные смертные, у вас нет ничего постоянного, кроме самого непостоянства!»

Но, может быть, и наша неверно избранная точка зрения, с которой мы смотрим на ход человеческих дел, отчасти является причиной того, что последний кажется нам столь неразумным. Планеты, если наблюдать за ними с Земли, то движутся назад, то покоятся, то перемещаются вперед. Но с точки зрения Солнца, доступной лишь разуму, они продолжают свое устойчивое и закономерное движение согласно Коперниковой гипотезе. Впрочем, некоторые, в целом неглупые, люди склонны упорно настаивать на своем объяснении явлений и на однажды ими избранной точке зрения, хотя бы при этом они и впадали в тихиевы* циклы и эпициклы вплоть до нелепостей.

* Браге Тихо (1546—1601), выдающийся датский астроном, не признавал гелиоцентрическую систему мира и взамен ее предложил неудачное сочетание учения Птолемея и Н. Коперника. — *Прим. ред.*

Но в том то и несчастье, что мы не можем поставить себя на точку зрения, с которой возможно предвидение свободных поступков, ибо это была бы точка зрения провидения, недоступная человеческой мудрости, но распространяющаяся и на свободные деяния человека, которые хотя и могут быть им предвидены, однако не могут быть предсказаны со всей определенностью (для божественного ока здесь различия нет), ибо для этого ему нужно видеть связь причин по естественным законам, а в отношении будущих свободных деяний он должен обходиться без подобного руководства или указания.

Если бы человека можно было наделить врожденной и неизменно доброй, хотя и ограниченной, волей, то он был бы в состоянии предсказывать со всей определенностью движение своего рода к добру, так как это касалось бы событий, которые он мог бы творить сам. Однако ввиду изначального смешения в нем добра и зла, мера которых ему неизвестна, он сам не знает, каких последствий ему от этого следует ждать.

5

НО НА КАКОЙ-ТО ОПЫТ ПРЕДСКАЗУЮЩАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ДОЛЖНА ВСЕ ЖЕ ОПИРАТЬСЯ

Роду человеческому должен быть присущ известный опыт, который, находя выражение в некотором событии, свидетельствовал бы о способности этого рода быть причиной своего движения к лучшему и его творцом (так как это должно быть деянием наделенного свободой существа). Но из данной причины можно предсказать событие как следствие лишь в том случае, если налицо условия, его вызывающие. Однако предсказание, что эти условия должны однажды возникнуть, может быть сделано лишь в общем виде, подобно расчету вероятности в игре, и не может быть с точностью определено, произойдет ли это в течение моей жизни и буду ли я иметь это в опыте, подтверждающем данное предсказание.

Итак, необходимо событие, которое указывало бы на существование этой причины и на факт ее обусловленности человеческим родом вне временных ограничений, и которое позволило бы в качестве неизбежного следствия сделать заключение о движении к лучшему; заключение, которое можно было бы затем распространить также и на историю прошлого времени (т. е. что и в прошлом дело шло к прогрессу), однако так, чтобы указанное событие само по себе рассматривалось не как причина этого прогресса, а всего лишь как симптом, как **историческая примета** (*signum remorativum, demonstrativum prognosticon*), и тем самым доказывало бы тенденцию человеческо-

го рода **в целом**, т. е. не с точки зрения индивидуумов (что дало бы лишь бесконечный подсчет и перечисление), а так, как это имеет место у народов, разделенных на земле по государствам.

6

**ОБ ОДНОМ СОБЫТИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ,
КОТОРОЕ ДОКАЗЫВАЕТ ЭТУ МОРАЛЬНУЮ
ТЕНДЕНЦИЮ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО**

Данное событие состоит отнюдь не в совершенных людьми великих деяниях, вследствие которых в мире человеческом великое умалется, а незначительное возвышается, подобно тому, как древние блестящие государства исчезают, будто по мановению волшебства, а на их месте возникают, словно из под земли, новые. Нет, ничего подобного. Это просто способ мышления зрителей, который открыто дает себя знать в этой игре великих преобразований и заявляет во всеуслышание о таком великом и вместе с тем бескорыстном сочувствии играющим на одной стороне против играющих на другой, что возникает опасность существенно повредить себе подобной партийностью; но тем самым он доказывает (с точки зрения всеобщности) наличие в человеческом роде характера и одновременно с этим (с точки зрения бескорыстия), по крайней мере, в задатке, морального характера, который позволяет не только надеяться на прогресс в лучшую сторону, но и сам по себе уже является таковым, насколько ему в данный момент позволяет это его влияние.

Революция духовно богатого народа, происходящая в эти дни на наших глазах, победит она или потерпит поражение, будет ли она наполнена горем и зверствами до такой степени, что благоразумный человек, даже если бы он мог надеяться на ее счастливый исход во второй раз, все же никогда бы не решился на повторение подобного эксперимента такой ценой, — эта революция, говорю я, находит в сердцах всех зрителей (не вовлеченных в эту игру) равный их сокровенному желанию отклик, граничащий с энтузиазмом, уже одно выражение которого связано с опасностью и который не может иметь никакой другой причины, кроме морального начала в человечестве.

Данная морально воздействующая причина двойственна: во-первых, она определяется правом, согласно которому другие силы не должны мешать народу выбирать себе такую конституцию, которая кажется ему лучшей; во-вторых, она определяется целью, которая к тому же есть долг, представлять лишь ту конституцию какого-либо народа законной и моральной, которая по природе своей чужда агрессивной войне

и которая не может быть никакой иной, кроме как республиканской*, по крайней мере, по своей идее; она способна, следовательно, создать условия, благодаря которым война (этот источник всех зол и причина упадка нравов) будет сдерживаться и тем самым роду человеческому, при всей неустойчивости его прогресса к лучшему, будет негативно обеспечено по крайней мере отсутствие помех в этом движении.

Итак, это и граничащая с аффектом симпатия к добру, энтузиазм, хотя и не заслуживающий полного одобрения (ибо всякий аффект как таковой достоин порицания), дает все же на основании этой истории повод к важному для антропологии замечанию: истинный энтузиазм всегда тяготеет к исключительно идеальному и притом чисто моральному понятию наподобие правового; он не может стать жертвой своекорыстия. С помощью денег нельзя было побудить врагов восставших к душевному благородству и рвению, которые были вызваны в них лишь одним правовым понятием, и даже понятие о чести древнего воинственного дворянства (аналог энтузиазма) отступило перед оружием тех, кто имел в виду право** народа, к которому они сами принадлежали и защитниками которого они себя полагали. С каким подъемом тогда посторонняя наблюдающая публика выражала свои симпатии, не имея ни малейшего желания в этом участвовать.

* Здесь не подразумевается, однако, что народ, имеющий монархическую конституцию, обладает правом и даже, более того, смеет в тайне питать надежду на ее изменение; быть может, его слишком уязвимое положение в Европе диктует ему именно такую конституцию, при которой он может сохранить себя среди могущественных соседей. И недовольство подданных, вызываемое не сущностью правительства, а его политикой по отношению к другим государствам, когда оно, например, мешает им республиканизироваться, вовсе не является доказательством недовольства народа его собственной конституцией, а напротив, доказывает, скорее, любовь к ней, потому что опять-таки его собственная безопасность будет тем прочнее, чем более будут республиканизироваться другие народы. Тем не менее, клеветники-сикофанты с целью придать себе больше важности пытались выдавать эту невинную болтовню за стремление к обновлению, за якобинство и бунт, якобы угрожающие государству, в то время как для подобных заявлений не было ни малейшего основания, по крайней мере в стране, удаленной от очага революции более чем на сто миль.

** О подобном энтузиазме правоутверждения человечества можно сказать: *Postquam arma Vulcania ventum est, — mortalis mucro glacies seu futilis ictu dissiluit* (Поскольку дело дошло до доспехов Вулкана, — смертный меч разлетелся на куски словно хрупкий лед. — Почему еще ни один властитель не осмелился открыто заявить, что он не признает никаких прав народа по отношению к себе, что народ обязан своим счастьем исключительно благодеяниям правительства, которые оно ему оказывает, и что всякое притязание подданных на право выступать против него (потому что оно содержит понятие дозволенного сопротивления) является нелепым и даже наказуемым? Причина в следующем: подобное публичное заявление вызвало бы возмущение всех подданных, несмотря на то, что они, как послушные овцы, ведомые добрым и разумным господином, облагодетельствованные и надежно защищенные им, ни на какое ущемление своего благополучия не жаловались. Ибо существу, наделенному свободой, мало одного только на-

ПРЕДСКАЗУЮЩАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В самом принципе должно быть нечто моральное, что разум демонстрирует как чистое и вместе с тем, ввиду огромного, составляющего эпоху, влияния, как нечто свидетельствующее о долге призванной к этому души человека и относящееся ко всему роду человеческому в целом (*non singulorum, sed universonum*), как нечто такое, желанный успех чего или попытки к его достижению род человеческий встречает с таким всеобщим ликованием и бескорыстным участием.

Это событие — феномен не революции, а — как выражается г. Эрхард, — эволюции естественно-правовой конституции, которая сама по себе никак не может быть достигнута только в жестоких битвах, — поскольку война разрушает изнутри и извне все до сих пор устоявшееся и узаконенное, — но порождает стремление к такой конституции, которая не может быть воинственной, т. е. к республиканской; последняя может быть таковой либо по самой своей государственной форме, либо только по способу правления, при согласии главы (монарха) управлять государством по законам, которые народ сам дал бы себе, руководствуясь всеобщими принципами.

И вот я утверждаю, что по симптомам (*Aspekten*) и предзнаменованиям наших дней смогу и без особого дара предвидения предсказать человечеству достижение этой цели, а вместе с тем и его с того самого момента не обратимое более вспять шествие к лучшему. Ибо подобное событие в истории челове-

слаждения благами жизни, которые оно может получить и от других (в данном случае от правительства). Здесь все дело в принципе, на основе которого оно ими пользуется. А благополучие беспринципно и для того, кто им пользуется, и для того, кто его доставляет (один полагает его в одном, другой — в другом), потому что главное — в материальном начале воли, которое эмпирично и не может быть подведено под всеобщее правило. Следовательно, существо, наделенное разумом, не может и не должно, сознавая это свое преимущество перед животными и руководствуясь только формальным принципом своей воли, требовать для народа, к которому оно принадлежит, никакого другого правительства, кроме такого, в лице которого народ участвует в законодательстве; т. е. право людей, призванных к послушанию, должно с необходимостью предшествовать всяким соображениям благополучия, оно является святыней, стоящей выше всякой выгоды (пользы), и на эту святыню ни одно правительство, каким бы благотворным оно ни было, не смеет посягать. Но это право — всего лишь идея, воплощение которой ограничено условиями соответствия средств воплощения с моральностью, переступить которую народ не смеет. Оно не должно быть также завоевано революционным путем, несправедливым во все времена. Господствовать автократически и при этом управлять все же по-республикански, т. е. в духе республиканизма или по аналогии с ним, — и есть то, что делает народ довольным его конституцией.

чества не будет более забыто, потому что оно вскрыло в человеческой природе задаток и способность к совершенствованию, до которых на основе происходившего до сих пор не смог бы докопаться ни один политик, и одно лишь способно было предсказать объединение природы и свободы в человеческом роде по внутренним правовым принципам, но лишь как событие не определенное во времени и случайное.

Но даже если цель, подразумеваемая данным событием, и теперь не будет достигнута, если революция и реформа конституции народа все же потерпит неудачу или же, по истечении некоторого времени в настоящем, все опять вернется в свою прежнюю колею (как предсказывают уже теперь политики), то все же указанное философское предсказание не утратит своей силы. — Ибо данное событие слишком огромно, слишком переплетено с интересами человечества и по своему влиянию слишком распространилось на все части мира, чтобы народы не вспомнили о нем при благоприятной возможности и чтобы не были возобновлены попытки подобного рода. И тогда, учитывая всю возможность этого вопроса для человечества, желанная конституция к известному времени должна все же обрести ту прочность, которая благодаря долговременному восприятию не преминет оставить след в душах всех людей.

Итак, это не просто благожелательное и в практическом отношении рекомендуемое, но вопреки всем скептикам имеющее силу и для самой строгой теории положение: род человеческий всегда шел по пути прогресса к лучшему и будет идти этим путем и впредь — это положение, если иметь в виду не только происходящее в том или ином народе, но и его распространение на все народы земли, которые постепенно будут принимать в этом участие, открывает перспективу необозримого будущего; — если только вслед за эпохой первой естественной революции, которая, согласно Камперу и Блуменбаху погребла под собой только растительный и животный мир до человека, не последует вторая, которая уготовит роду человеческому такую же участь, чтобы на сцену вышли другие создания, и т. д.

Ибо для всемогущества природы или, скорее, для ее недоступной нам высшей причины человек есть всего лишь мелочь. Но то, что властители одного с ним рода считают его тем же и обращаются с ним то как с животным или просто орудием своих целей, то натравливают в своих расправах людей друг на друга, чтобы их убивать, — это уже не мелочь, а прямое извращение конечной цели самого творения.

О ТРУДНОСТИ МАКСИМ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ДВИЖЕНИЕ КО БЛАГУ МИРА, В ОТНОШЕНИИ ИХ ПУБЛИЧНОСТИ

Просвещение народа есть публичное поучение последнего относительно его обязанностей и прав перед государством, к которому он принадлежит. Поскольку это касается только естественных, вытекающих из всеобщего человеческого разума прав, то естественными истолкователями и глашатаями их в народе являются не официальные юристы, назначенные государством, а свободные учителя права, то есть философы, которые именно из-за этой свободы, которую они себе позволяют, неуютны государству, всегда стремящемуся только к господству; они объявляются под именем просветителей опасными для государства людьми, хотя они не обращают доверительно свой голос к народу (которому почти или совсем нет дела до них и их трудов), а почтительно обращаются к государству и умоляют его принять близко к сердцу выше упомянутую правовую потребность народа; последнее не может произойти никаким другим путем, кроме публичности, когда весь народ выражает свое чаяние (gravamen). Таким образом, запрещение публичности препятствует движению народа к лучшему даже в том, что касается самого минимального из его требований, а именно, просто его естественного права.

Другим, хотя и легко раскрываемым, но все же в приказном порядке навязанным народу секретом является утаивание истинного характера его государственного устройства. Было бы оскорблением величия народа Великобритании утверждать, что последняя представляет собою неограниченную монархию: напротив, утверждают, что это конституция, ограничивающая волю монарха с помощью двух палат парламента как народных представителей. И тем не менее каждый хорошо знает, что влияние монарха на этих представителей настолько велико и прочно, что упомянутыми палатами не решается ничего кроме того, что хочет он и что он предлагает им через своих министров. Последний предлагает им и такие решения, относительно которых он предвидит и даже инсценирует возражения (например, по поводу торговли неграми), чтобы показать мнимую свободу парламента.— Подобное представление о настоящем положении вещей порождает, однако, иллюзию, будто поиски истинной, основанной на праве конституции прекращены, ибо подразумевается, что примеры ее уже были найдены ранее, а лживая публичность с инсценировкой ограничения монархии* законом, исходящим якобы от народа,

* Причина, свойство которой непосредственно не известно, раскрывается в своем действии, которое ей незамедлительно следует.— Что такое а б-

вводит последний в заблуждение, между тем как его подкупленные представители втайне подчиняют народ абсолютно монарху.

* * *

Идея конституции, отвечающей естественному человеческому праву, а именно, что подчиненные закону вместе с тем должны участвовать в законодательстве — эта идея лежит в основе всех государственных форм, а общность (das gemeine Wesen), мыслимая соответственно этой идее в чистых понятиях разума и представляющая платоновский идеал (respublica posttempo), — не пустая химера, но вечная норма гражданской конституции и чужда всякой войне. Гражданское общество, организованное в соответствии с этой идеей, является ее изображением по законам свободы посредством данного в опыте примера (respublica phaenomeno) и может быть лишь с трудом достигнуто лишь после многочисленных распрей и войн. Но его конституция, если она однажды будет в основном осуществлена, признается лучшей среди всех в деле предотвращения войны, этого разрушителя всякого добра. Следовательно, принятие такой конституции есть долг, но поначалу (потому что это осуществимо не сразу) долг монархов, хотя бы они властвовали автократически, управлять все же по-республикански (не демократически), т. е. обходиться с народом по принципам, соответствующим духу законов свободы (как их предписал бы себе сам народ со зрелым разумом), хотя формально его мнения для этого и не спрашивалось бы.

9

КАКИЕ ПЛОДЫ СУЛИТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ РОДУ ПРОГРЕСС К ЛУЧШЕМУ?

Не во все возрастающем количестве моральности в образе мыслей, а в увеличении результатов ее легальности

солютный монарх? Абсолютным монархом является тот, по чьему приказу начать войну последняя тут же разражается. — А что такое, напротив, монарх ограниченный? Это такой монарх, который вынужден спрашивать народ, быть войне или не быть, и если народ говорит: войне не быть, то никакой войны не происходит. — Ведь война — это такое состояние, когда все силы государства должны находиться в распоряжении верховной власти. А монарх Великобритании за последнее время провел довольно много войн, не спрашивая на это никакого одобрения. Следовательно, это король — абсолютный монарх, каковым, однако, он не должен быть согласно конституции; последнюю, впрочем, он всегда может обойти, ибо способен обеспечить себе поддержку народных представителей с помощью тех же самых государственных сил, поскольку, в частности, он обладает властью назначать все должности и звания. Подобная система для своего успешного существования, разумеется, отнюдь не нуждается в публичности, и поэтому все пребывает под весьма прозрачной завесой таинственности.

и в соответствующих долгу поступках, какими бы мотивами они ни были продиктованы, т. е. в добрых деяниях людей, все увеличивающихся и все более удачных, следовательно, в проявлениях нравственного начала в человеческом роде только и можно полагать главный итог (результат) его работы над собой на пути к совершенствованию. — Ибо мы основываем свое предсказание эмпирических данных (на опыте), а именно, на физической причине наших поступков, поскольку они происходят, т. е. сами суть явления, — а не моральной, содержащей понятие долга о том, что должно произойти, причем это понятие может быть установлено только в чистом виде, а priori.

Постепенно насилие со стороны всемогущих уменьшается, а послушание закону возрастает. В общности станет больше благодеяний, меньше ссор в процессах, общения станут более надежными и т. д., что будет обусловлено отчасти честолюбием, отчасти правильно понятой собственной выгодой; все это распространяется, наконец, и на внешние отношения между народами вплоть до всемирного гражданского общества — без малейшего увеличения оснований моральности в человеческом роде, для чего потребовалось бы нечто вроде нового творения (сверхъестественного влияния). — Но мы не должны и слишком много ожидать от людей в их поступательном движении к совершенству, чтобы не стать законным предметом насмешек политика, охотно принимающего надежду на вышеизложенное за фантазию экзальтированного ума*.

10

В КАКОМ ЕДИНСТВЕННОМ ПОРЯДКЕ МОЖНО ОЖИДАТЬ ПРОГРЕССА К ЛУЧШЕМУ?

• Ответ таков: на пути движения вещей не от низшего к высшему, а от высшего к низшему. — Надеяться на

* Очень заманчиво мыслить себе такие конституции, которые отвечали бы требованиям разума (главным образом в правовом отношении), но рискованно их предлагать, а подстрекать народ к ликвидации уже существующей заслуживает наказания. «Атлантида» Платона, «Утопия» Мора, «Океания» Харрингтона и «Северамбия» Аллеса появлялись на свет постепенно, но никогда (за исключением неудачливого ублюдка деспотической республики Кромвеля) не предпринимались попытки к их осуществлению. — Судьба этих государственных творений оказалась такой же, как и судьба сотворения мира: ни один человек не присутствовал при этом, да и не мог бы присутствовать, так как в этом случае он был бы творцом самого себя. Питать надежду на раннее или позднее осуществление государства, как оно здесь мыслится, есть сладкая мечта; но постепенное приближение к нему не только мыслимо, но и, насколько это совместимо с моральным законом, есть долг, долг не граждан, а главы государства.

то, что с помощью образования молодежи в семье и затем в школах, начиная с низших и кончая высшими, с помощью духовной и моральной, опирающейся на поддержку религиозного учения, культуры удастся, наконец, не только воспитать хороших граждан государства, но и привести их к добру, постоянно способному прогрессировать и поддерживать себя, — это план, который едва ли позволяет надеяться на успех. Ведь дело не только в том, что, по мнению народа, расходы на воспитание юношества должен нести не он, а государство, которое, со своей стороны, не имеет средств на оплату хороших и ревниво исполняющих свои обязанности учителей (как на то жалуется Бюшинг), потому что оно все расходует на войну; дело в том, что весь механизм образования не будет иметь единого основания, если он не будет построен в соответствии с планом, разработанным высшей государственной властью, и с ее намерениями, пущен ею в ход и сохранен ею в той же форме. Этому могло бы сопутствовать происходящее время от времени совершенствование государства, которое, используя вместо революции эволюцию, тем самым постоянно двигалось бы к лучшему.

Но так как люди, призванные осуществить это воспитание, тоже являются всего только людьми, а следовательно, сами нуждаются для этого в воспитании, то при подобной слабости человеческой природы и случайности обстоятельств, способствующих благому исходу, прогресса следует ожидать только от мудрости свыше (которая, если она незрима, называется провидением) как положительного условия; а для того, что можно в данном случае ожидать и требовать от людей, — для достижения этой цели, — необходима лишь негативная мудрость, а именно, чтобы люди, наконец, пришли к необходимости сделать войну, самое большое препятствие для моральности, постоянно отдаляющее указанную цель, сначала мало-помалу человеческое, затем все реже и, наконец, полностью устранить ее как войну агрессивную с тем, чтобы вступить на путь конституции, которая по сути своей, не ослабляя себя, а основываясь на истинных правовых принципах, сможет неуклонно продвигаться к лучшему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К врачу, обещавшему своим пациентам изо дня в день скорейшее выздоровление и говорившему им в первый день, что путь становится лучше, во второй, что мокрота, в третий, что потливость предвещает улучшение и т. д., пришел однажды один из его приятелей. «Ну, как Вы, друг мой, себя чувствуете?» — был первый вопрос врача. «Как я себя чувствую?» — отвечал пациент. — «Я умираю от сплошных улучшений!»

Я не порицаю того, кто, видя недуг какого-либо государства, начинает сомневаться в здоровье человечества и его движении

к лучшему; я полагаюсь на героическое средство излечения, рекомендуемое Юмом и обещающее скорое выздоровление. «Если я вижу, — говорит он, — воюющие друг против друга нации, то это напоминает двух пьяных парней, дерущихся дубинками в фарфоровом магазине. Ибо мало того, что им придется долго залечивать шишки, нанесенные друг другу, — они должны будут также возместить ущерб, причиненный ими».

Болезненные последствия настоящей войны вынуждают политического провидца предсказать близящийся поворот человеческого рода к лучшему, который виден в перспективе уже теперь.

*Перевод И. Д. Коцеева,
А. А. Столярова.*

Впервые на русском языке публикуется вторая часть известной работы Канта «Спор факультетов» — «Спор философского факультета с юридическим». Текст содержит важные свидетельства о философско-исторических и политико-правовых взглядах Канта, в частности весьма полно выражает его отношение к французской революции.

Первый раздел трактата «Спор факультетов» — «Спор философского факультета с богословским» — опубликован в 6-м томе «Сочинений в шести томах» И. Канта (М., 1966, с. 311—348) в переводе Ц. Г. Арзаканьяна, а третий — «Спор философского факультета с медицинским» — под первоначальным названием «О способности духа силою только воли побеждать болезненные ощущения» помещен в кн.: И. Кант. Трактаты и письма. (М., Наука, 1980, с. 298—318) — в переводе М. И. Левиной.

Работа была задумана Кантом как самостоятельное сочинение не позднее осени 1797 г., но философ смог выпустить ее в свет только после смерти короля Пруссии Фридриха-Вильгельма II, когда были сняты некоторые цензурные ограничения на высказывания Канта по вопросам религии и политики. Но и в этом случае Канту пришлось объединить данный текст с двумя другими для того, чтобы иметь возможность опубликовать возникший таким образом «Спор факультетов» в университетской типографии, издания которого не подвергались цензурному контролю.

Публикуемый раздел трактата подтверждает общую оценку его идейного содержания, данную Т. И. Ойзерманом, автором общих примечаний и редактором 6-го тома «Сочинений в шести томах» И. Канта (М., 1966, с. 683) в следующих словах: «То, что Кант в осторожной форме именует спором между факультетами, оказывается по сути дела спором между различными мировоззрениями, между стремлением построить общественную жизнь на разумных началах и противоположным стремлением, опирающимся на авторитет церкви, традиции, интересы господствующих сословий и т. д.».

Центральная идея «Спора философского факультета с юридическим» — идея общественно-исторического прогресса и путей его осуществления. Постановка этой проблемы увязывается Кантом с вопросом о возможности философского (т. е. априорного) познания истории. Такое познание может касаться не естественной, но лишь нравственной истории человечества и носит характер предсказания событий, которые «предсказатель сам творит и вызывает...». Относительно нравственного прогресса человечества возможны три предсказания, но опытным путем ни одно из них подтверждено быть не может.

Решение проблемы Кант видит в том, что прогресс человечества к лучшему рассматривается им как прогресс легальности, который можно наблюдать в опыте. В то же время факт такого прогресса указывал бы на действие нравственной причины, непосредственно в опыте не наблюдаемой. Прогресс легальности, находящий выражение в постоянном приближении госу-

дарственно-правового устройства к республиканскому, в конечном счете может привести к осуществлению нравственного идеала — ноуменальной республики в реальной истории человечества (превращение *respublica* пошепен в *respublica fenomenon*).

Таким образом, Кант смягчает абсолютную противоположность свободы и необходимости, сущего и должного, свойственную его практической философии и гносеологии, тем, что рассматривает человечество о качестве субъекта исторического развития. Несомненно, это понимание роли совокупного человечества в историческом развитии сложилось у Канта под воздействием событий французской революции. Теоретическим следствием такого воздействия можно считать намечаемую в данной работе идею о том, что нравственно должное является не только регулятивной идеей разума, но и может быть осуществлено, причем о влиянии и осуществяемости нравственно должного в истории можно судить по так называемым *историческим признакам*, к числу которых Кант относит в первую очередь французскую революцию.

На примере революции во Франции философ стремится показать, что в опыте также может быть показана способность человечества к моральному образу действий. В событиях французской революции, которые Кант оценивает с огромной симпатией и нескрываемым восхищением, мыслитель видит исторический знак морального прогресса человечества. В известной степени в оценке этих событий проявилась и была подытожена позиция Канта в вопросе о революционном преобразовании общества в целом.

Высказывания Канта о французской революции кажутся, на первый взгляд, противоречивыми. Философ несомненно приветствует революцию как исторический акт, даже несмотря на вызванные ею многочисленные бедствия и жестокости. В то же время, в полном соответствии с позицией, намеченной в работах по философии права, Кант продолжает отрицательно характеризовать революцию как средство изменения правопорядка. Обе оценки французской революции можно рассматривать как своеобразную антиномию, получившую название революционного парадокса Канта. Решение его содержится в характеристике Кантом французской революции как «феномена не революции, а эволюции естественно-правового строя». Мысль Канта состояла в том, что революция не уничтожила существовавший во Франции правопорядок, а развила его. Следовательно, с точки зрения нравственного прогресса эта революция — звено в цепи непрерывного прогресса легальности, даже несмотря, а, возможно, и вопреки тем последствиям, к которым привела политическая борьба. Следовательно, Кант осуждает революцию только как политико-правовой переворот (и делает это последовательно), сравнивая политическую революцию с войной. Но французская революция не только такого рода политическое изменение, совершающееся зачастую из эгоистических побуждений и не влияющее на моральный образ мыслей граждан. Нравственно-бескорыстный характер французской революции проявлялся, по словам Канта, в том энтузиазме, с которым ее участники и зрители относились к защите идеи права, и это нравственное содержание революции, противоположное, по мнению Канта, и не связанное с ее политическим содержанием, позволяет рассматривать французскую революцию как элемент эволюционно-непрерывного нравственного прогресса человечества. Принятие Кантом французской революции связано как раз с ее пониманием не как политического, а как нравственно-правового переворота.

Такое противопоставление политической и по сути дела социальной (принимаемой только в нравственно-правовом смысле) революции как деструктивного и творчески-созидательного общественных преобразований опирается на противоречивое истолкование Кантом идеи народного суверенитета: философ утверждал, что люди как свободные существа могут и должны требовать создания такой формы правления, в которой законодателем был бы сам народ. В то же время республиканская форма правления рассматривалась Кантом как идея разума, осуществление которой ограничено условием согласования ее средств с моральностью. Поэтому, полагал Кант, улучшение правопорядка не должно осуществляться путем революции, «которая всегда несправедлива», т. е. путем политической революции, цель которой —

изменение политической структуры общества. Разумная альтернатива политической революции виделась Канту в народном просвещении, осуществляемом не государственными чиновниками, а «свободными учителями права», что было бы возможно только при наличии духовной свободы. Поскольку такая свобода сама нуждается в республиканском устройстве, то переход к нему реально осуществляется путем войн и политических переворотов. Было бы предпочтительнее, рассуждал Кант, в исторических преобразованиях руководствоваться разумом, т. е. изменять положение вещей «не снизу вверх, а сверху вниз», при помощи реформ, проводимых главами государств, а не гражданами, но мало шансов надеяться на то, что сильные мира сего будут стремиться к выполнению этого своего нравственного долга. Не следует уповать и на улучшение общества путем воспитания, ведь для осуществления программы такого воспитания требуются не только средства, которых нет, поскольку государство разбазаривает их на подготовку войны, и добрая воля глав государств, но и «люди, призванные осуществить это воспитание...», следовательно, сами нуждающиеся для этого в воспитании».

Таким образом, Кант обнаруживает невозможность практической реализации просветительских программ преобразования общества. Более реален, хотя менее разумен, путь стихийно-революционного (или даже военного) самоизменения. Но этот путь развития может закончиться для человечества катастрофой взаимного уничтожения. Анекдот с больным, умирающим от непрерывного улучшения, который Кант приводит в заключение работы, должен служить предостережением против чрезмерно оптимистических упований на неодолимость прогресса истории. В словах Канта чувствуется ирония, ведь просветительская вера в силу разума — это его собственная вера и надежда. Но мыслящий человек и не должен расставаться с надеждой, полагал Кант, с надеждой на то, что люди все же научатся согласовывать средства и цели своего исторического развития. Стремиться к такому согласованию — в этом политическое и одновременно нравственное завещание великого мыслителя потомкам.

Перевод второго раздела «Спора факультетов» осуществлен по изданию: I. Kants Werke. Hrsg. von E. Cassirer Bd. VII. Berlin, 1922, S. 389—407.

Е. А. Голиков.